

О.Е.Рубинчик

РУССКАЯ КУЛЬТУРА В АБЕЗЬСКОМ ЛАГЕРЕ: ВОСПОМИНАНИЯ Ю.К.ГЕРАСИМОВА (ПОДГОТОВКА ТЕКСТА, ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА И КОММЕНТАРИИ О.Е.РУБИНЧИК)

Устные воспоминания литературоведа и театроведа Юрия Герасимова (1923—2003) посвящены его пребыванию в лагере в поселке Абезь у Северного полярного круга в первой половине 1950-х гг. Это был лагерь для нетрудоспособных (инвалидов, стариков), где содержались в заключении многие деятели культуры: религиозный философ Лев Карсавин, искусствовед Николай Пунин, поэт-футурист и прозаик Сергей Спасский, еврейские поэты Самуил Галкин и Яков Штернберг, режиссер и философ Александр Гавронский, египтолог Михаил Коростовцев, искусствовед и поэт Виктор Василенко и др. Герасимов рассказывает о своем общении с Пуниным, о путях сохранения человеческого достоинства в нечеловеческих условиях.

Ключевые слова: сталинские репрессии, Абезь, Абезьский лагерь, мемуары, Ю.К.Герасимов, Н.Н.Пунин, Л.П.Карсавин, В.М.Василенко

Юрий Константинович Герасимов (1923—2003)¹ — специалист по русской литературе конца XIX—начала XX в. и по истории русского театра. В 1941 г. Юрий Константинович закончил школу № 2 (располагавшуюся в здании филфака ЛГУ и ранее существовавшую под № 204) и был зачислен как отличник на филологический факультет университета. Всю войну провел в Заполярье, последние два года — в передовых частях. Осенью 1945 г. восстановился в университете. В январе 1948 г. был арестован, обвинен в антисоветской деятельности в составе студенческой группы и по решению ОСО приговорен к 10 годам лагерей строгого режима². Сначала работал на шахтах в Инте. 1952 (?) — 1954 гг. провел в Абези, в лагере для нетрудоспособных (инвалидов, стариков), где содержались в заключении многие деятели культуры: религиозный философ Л.П.Карсавин, искусствовед Н.Н.Пунин, поэт-футурист и прозаик С.Д.Спасский, еврейские поэты С.З.Галкин и Я.М.Штернберг, режиссер и философ А.О.Гавронский, египтолог М.А.Коростовцев, искусствовед и поэт В.М.Василенко и др. Ю.К.Герасимов оказался там потому, что еще во время ареста заболел малярией. Впоследствии работал электриком в мордовских лагерях. Был освобожден в 1956 г., позднее реабилитирован. В 1960 г. окончил университет. Ю.К.Герасимов — кандидат филологических наук, доктор искусствоведения, с 1979 по 2003 гг. научный сотрудник Пушкинского Дома (Института русской литературы РАН), заведующий Группой по изданию сочинений А.А.Блока³.

14 апреля 1995 г. в Музее Анны Ахматовой в Фонтанном Доме состоялся вечер, посвященный Пунину⁴. В числе выступавших с воспоминаниями был и Ю.К.Герасимов. Его рассказ об их знакомстве, о круге и характере их лагерного общения был записан на магнитофон⁵. В данной публикации запись приведена не полностью.

¹ Подробно о нем: [1, с. 239].

² О Герасимове в лагере см.: [2, с. 9].

³ За помощь в подготовке справки о Ю.К.Герасимове благодарю его вдову Валентину Васильевну Крамскую и дочь Екатерину Юрьевну Герасимову.

⁴ Мемориальная часть музея расположена в квартире Пунина, где с середины 1920-х гг. до 1952 г. жила Ахматова, до сентября 1938 г. состоявшая с ним в неофициальном браке.

Николай Николаевич Пунин (1888—1953) — искусствовед. Окончил Санкт-Петербургский университет. С 1913 г. работал в Русском музее, был одним из сотрудников отдела иконописи (см.: [3]). Как художественный и литературный критик публиковал статьи в целом ряде изданий, в том числе — в журнале «Аполлон». Занимался Византией, искусством эпохи Возрождения, японской гравюрой и др. С середины 1910-х гг. его главной страстью в искусстве стал авангард (см., напр.: [4]). После февральской революции Пунин был одним из самых активных деятелей художественной жизни Петрограда. В 1919—1921 гг. заведовал Петроградским отделом ИЗО Наркомпроса. 3 августа 1921 г. был арестован в связи с «делом Петроградской боевой организации», месяц провел в тюрьме, после чего навсегда ушел от работы в правительственных органах. В 1920-е гг. участвовал в работе Гинхука, Декоративного института, в 1923—1925 гг. заведовал художественной частью Фарфорового завода, организовал в Русском музее отделение новейших течений (см.: [5]). В 1930-е — 1940-е гг. преподавал в университете и Академии художеств (см.: [6]). В 1935 г. около двух недель провел под арестом. В конце 40-х гг. он вынужден был уйти из Академии художеств и был уволен из университета, его обвиняли в формализме и космополитизме. В 1949 г. Пунин был вновь арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы. Умер в абезьском лагере.

Благодарю внучку Н.Н.Пунина А.Г.Каминскую и его правнука Н.Л.Зыкова за ознакомление с текстом статьи в рукописи и замечания.

⁵ Запись и ее расшифровка хранятся в Музее Ахматовой; один из экземпляров расшифровки находится в домашнем архиве автора этого комментария. Расшифровка выполнена К.Н.Кочкиной.

«Лагерь напоминает мне изнанку ковра. Лицевая сторона была красива, импозантна, монументальна в сталинское время, потом она стала немножко выцветать и вытираться, а изнанка ковра — она сама показывает, из чего он сделан <...> Я в Абезь попал, в инвалидный лагерь уже после <...> пяти лет работы в интинских шахтах. Я привез из Большого дома с собой малярию, которая не была вылечена по-настоящему, и вот малярия меня <...> изнурила, и на очередной медицинской комиссовке меня списали как человека, которого невозможно пока использовать на основных работах в шахте, и отправили с ближайшим этапом вместе со стариками, с инвалидами. Травматизм был большой очень в шахтах, техника безопасности слабая, кто-то безногий там, <...> с перебитым позвоночником и т. д., и вот попал я в Абезь, это несколько лагерей и сангородок. Рядом протекает река Уса, которую из сангородка видно, — с голыми берегами, никакой растительности нет, холодная северная река, приток Печоры.

Первым делом всегда, как это делают заключенные, лагерники ищут земляков. Надо сказать, что это была непростая вещь, поскольку лагеря эти — специальные, они имели особый контингент, перемешанный по национальностям и иным некоторым <...> показателям. Из бывших военнопленных там было много немцев, так называемые военные преступники, была даже в одном лагере группа японцев из Квантунской армии, офицеры, человек 60, отдельной бригадой, были всевозможные международные авантюристы, вероятно, шпионы (некоторые даже и не скрывали) <...> Но не только военные — были штатские, были священники <...> То есть очень пестрый был контингент, и русских в среднем было... процентов не более двадцати. Да, не назвал еще — я не знаю, как их назвать: повстанцы, партизаны или бандиты, как их называли тогда, «Лесные братья» — это в Прибалтике, партизаны советского уже времени, послевоенные партизаны. И бандеровцы с Западной Украины тоже были... Довольно их было много. Были и с Кавказа, и из других мест обширного нашего Союза и сопредельных стран. И поэтому найти земляка, да еще питерца, было делом непростым.

Я [встретился в Абези] с одним москвичом, которого знал раньше по Инте, он ко мне подошел, он стал моим «путеводителем». Это <...> небезызвестный Виктор Луи. [Для тех,] кто интересовался международными делами и <...> скандальными историями: он обменивал Корвалана на Буковского <...> Виктор Луи привел меня первым делом к молодым людям, но это не были ленинградцы. От них уже я узнал, что находится в лагере Николай Николаевич Пунин.

Я набрался смелости и через несколько дней пришел в соседний отсек гигантского барака из бывшего гаража-эллинга, это гигантский барак, который вмещал около тысячи человек. Я <...> представился, сказал, что имел удовольствие слушать несколько раз его лекции в университете <...> что слава о нем как о блестящем лекторе <...> была, и не один я, ходили с других факультетов, я — с филологического <...> на него это не произвело никакого впечатления, и он отнесся ко мне <...> довольно сухо. <...> Мы с ним потом сыграли в шахматы, это еще ухудшило наши отношения, потому что я имел бестактность выиграть у Николая Николаевича. Он, вероятно, играл когда-то очень хорошо, но в это время... <...> Он сохранил полностью трезвость, ясность и четкость своего ума, потребность в умственной работе, потребность в общении, лекционную какую-то <...>, профессорство — это в нем было, но уже заметны были моменты разрушения человеческой природы печальные, которые от тюремного в основном, конечно, пребывания, со времен следствия, вероятно, шли. Был сильный тик лица, оно подергивалось <...> он как бы подмигивал часто⁶, вообще внешность <...> была такая, как у человека, пережившего какую-то огромную катастрофу, хотя державшегося: никакой паники у него не было и отчаяния не было⁷ <...> Он следил за собой, был очень чисто одет — это было непросто в лагере <...> Хотя там всегда <...> давали все старое людям, у него все было как-то подштопано, воротничок меховой был пришит к бушлату, валенки с галошами были, это было очень практично, удобно, а большинство стариков ходило в таких чунях: раздирают колеса автомобильные, покрышки и <...> проволокой шьют большие лапти, и потом выдается <...> носок до колена для тепла или портянки <...>, и в этой обуви немислимой, но все-таки довольно теплой щеголяли все — и министры из стран Прибалтики, и некоторые другие крупные [фигуры] <...>. А Николай Николаевич ходил с палочкой, и мы его с любовью называли <...> «версальский щеголь» <...> Старался держаться очень как-то прямо, не сдавшимся человеком.

<...> Через несколько дней я пришел в очередной раз. Была пурга. На работы (я, как молодой человек, был в рабочей бригаде, по обслуживанию) мы выходили из зоны, и по вечерам я мог ходить в другие бараки, хотя это было опасно, нарушение режима, но все-таки мы ходили. И я как-то зашел опять к Николаю Николаевичу. <...> Беглый разговор, может быть, за партией шахмат. Шла речь о литературе, о начале века, он хорошо ее знал, эту литературу, это литература его молодости и зрелости даже. Он знал всех символистов <...> футуристов, конечно, многое знал наизусть. И это было очень <...> познавательно, потому что книг-то было мало, и в ходу там были такие как бы альбомчики: стихи записывали. <...> Это не только мое было свойство,

⁶ По словам внучки Пунина А.Г.Каминской, тик у него начался в 1898 г., после смерти матери. Тогда же он начал сильно заикаться, но заикание еще в гимназические годы преодолел: выходил на балкон и произносил речь с камушками во рту, так что впоследствии никогда не заикался. А.Г.Каминская знает об этом по рассказам своей матери И.Н.Пуниной, таковы семейные легенды (сообщено автору комментария в телефонном разговоре 14 ноября 2015 г.).

⁷ Ср. портрет Пунина, данный другим его сокамерником — А.А.Вансевым: «В лице этого человека совмещались римская полновесность черт и старушечья округлая мягкость. Он страдал нервным тиком: межбровье его время от времени подергивалось, как если бы он хотел согнать с лица муху» [7, с. 17-18].

многие это делали, кто интересовался, — люди помоложе, у которых еще была страсть к обучению⁸. А я был арестован студентом третьего курса, <...> я входил, так сказать, в интерес филологического литературоведения — и вот на ходу оборван... У меня осталось желание учиться, что-то познавать, и при всяком удобном и не очень удобном случае я пытался изучать языки⁹, <...> общался <...> Все, что можно было читать, — там очень была скудная библиотека — обычно на руках. И вот <...> самодельные альбомы, которые быстро погибали, потому что при ночных обысках их очень часто отнимали, ничего держать при себе было нельзя, но все равно мы записывали, потому что главное потом переходило в память, и масса стихотворений осталась в памяти. <...> Николай Николаевич тоже с удовольствием слушал, когда я ему читал что-нибудь, поскольку это шло от эмигрантов. Эмигрантские стихи были нам неизвестны, малоизвестны, в том числе стихотворения <...> Ходасевича <...> Николай Николаевич был арестован [в 1949 г.] — значит, с багажом сорок девятого года <...> а эмигранты принесли с собой — там были интеллигенты, авторы монархических газет, <...> достаточно образованные, и они помнили кое-что. И вот этот общий фонд знания стихов, и другие знания тоже как-то находили употребление, и общение было — конвекция, так сказать, идей была, конечно. И Николай Николаевич с интересом слушал, Ходасевича слушал, у меня было в альбоме, и я уже помнил наизусть многие стихотворения. <...>

Но о Николае Николаевиче, о судьбе Николая Николаевича в лагере... <...> Во-первых, это был не производственный лагерь, и поэтому администрация лагеря, начальник майор Бондарь — у него не было плана, <...> он мог не быть жестоким, ему не нужно было выколачивать из нас кубатуру, уголек и т.д. И поэтому он был довольно благодушный, посмеивался над стариками, и такого свирепого ничего там не было. Кроме того, <...> родным Николая Николаевича не в чем себя упрекнуть. Он получал довольно много и регулярно посылки. Посылки — это его, конечно, поддерживало <...>, потому что питание было очень плохое <...> Кто не получал посылок, было трудно просто выжить, начиналась цинга, пеллагра, выпадали зубы, и прочие прелести подобного рода. Николай Николаевич — благодаря тому, что у него был чай, к чаю всегда что-то было — еще имел и какие-то услуги, у него было нечто вроде денщика из эмигрантов, [денщик] помогал ему, приносил ему... Николай Николаевич почти не ходил в столовую, ему приносили в котелке, что нужно было, а часть он отдавал — скажем, баланду он отдавал. Он пил чай и съедал на второе кашу какую-нибудь <...> Так что в отношении быта он был довольно благоустроен, насколько это можно было в тех жутких все-таки условиях. <...> Большинство лежало вповалку на нарах без всякой перегородки <...> У Николая Николаевича было отделенное небольшим проходом, как бы индивидуальное местечко. За это он, конечно, кому-то платил — <...> салом, сигаретами, табачком, чем-нибудь, чайком, может быть. Пачкой чая иногда платили, но это, конечно, стоило того, чтобы жить отдельно, чтобы тебя ночью [сосед] не толкал коленом и т. д.

Но это не самое интересное <...> — лагерный быт, о нем довольно много написано <...> Бросается в глаза прежде всего, <...> какие там несчастные: и поспать как следует негде, это верно, и климат там был жуткий — малый процент кислорода в воздухе, были морозы под 50 [градусов], это довольно обычный мороз с туманом, очень тяжело дышалось, у кого были легочные [заболевания] (астматики), очень трудно переносить такой климат.

Я коснусь сейчас, может быть, самого главного, что с годами выходит в моем восприятии на первый план. Я бы назвал это так (извините, может быть, это громко звучит, но я себя могу исключить <...>): духовное сопротивление. <...> Человек мог и не осознавать, и не осмысливать этого, это не обязательно <...> сознательное было сопротивление тоталитарному режиму и всем прочим вещам, которые его сопровождали. <...> [Были и такие,] которые находились на самой низшей ступени выживания, <...> и к ним упрек не применим, конечно, — почему он не занимался духовным сопротивлением <...> Конечно, были и <...> потерявшие почти обличье человека, жалкие личности, готовые на все, — и молодые такие были. Но <...> мне-то больше известно русскоязычное <...> некое содружество, конечно, неоформленное, <...> содружества полного никакого не было, но вот это содружество людей такое, которые ведут — пусть урывками, в свободное время — какую-то духовную жизнь. Она может быть связана с искусством, <...> даже с шахматами, я знал двух-трех человек, которые занимались, книжоночка нашлась, и штудировали ее, изучали шахматы, это тоже умственная жизнь, <...> борьба за человеческое достоинство. Религия, конечно, была тоже очень мощной сферой, которая держала, поддерживала человека, причем разные религии там были, представители разных конфессий, разных исповеданий <...> Я мало знаю жизнь других национальностей, но я видел, что какое-то общение было. Люди, которые находились в более трудных условиях, ничего не получая никогда, то есть иностранцы, среди них тоже

⁸ Среди тех молодых, у которых «еще была страсть к обучению», нужно назвать будущего религиозного философа Анатолия Анатольевича Ванеева (1922—1985). С 1939 г. он — студент химического факультета Ленинградского государственного университета, с 1941 г. участник войны, в 1943 г. демобилизован из-за ранения, работал учителем физики в школе, в 1945 г. арестован за написание стихов политического характера и приговорен к 10 годам лишения свободы. Пребывал в лагерях Архангельской области, в 1950 г. попал в республику Коми, в Абезьский инвалидный лагерь, где познакомился с Карсавиным и стал его преданным учеником, спас многие его рукописи. Карсавин сказал о нем: «Это человек, раненный истиной» [7, с. 51]. В 1952 г., после смерти Карсавина, Ванеев был отправлен в угольные шахты в Инту, в 1954 г. освобожден, находился в ссылке. Впоследствии заочно учился на физическом факультете ЛГУ, работал учителем физики, стал автором методических и учебных пособий по этому предмету. В 1970-х гг. вместе с о. Сергием Желудковым основал квартирный религиозно-философский кружок. Написал книгу «Два года в Абези. В память о Л.П.Карсавине», опубликованную уже после смерти автора.

⁹ Древнегреческому языку в лагере Ю.К.Герасимова учил Карсавин.

были <...> [такие], которые очень достойно вели себя в лагере. И в этой связи <...> я сейчас еще два-три эпизода расскажу <...> Одним из центров духовного общения, хотя и не очень часто мы туда ходили, был полустационар (полубольница), где находился Лев Платонович Карсавин¹⁰. Лев Платонович Карсавин во время следствия уже заболел милиарным туберкулезом. Ему было лет под семьдесят тогда, и он лежал... Он был слаб, ему было трудно ходить, но голова у него работала совершенно безотказно, и он все время <...> работал. Он свою философскую систему заключал в поэмы, он восполнил по памяти свою «Поэму о смерти» — она сейчас опубликована, потом свою философскую систему он заковал в венок сонетов <...>. И вот когда собирались там люди, <...> у Льва Платоновича, да и, в общем-то, у Николая Николаевича... находясь с ними, говорить о пустяках было нельзя — это не то что запрещалось, это каждому было понятно: если есть что-нибудь такое, хотя бы и вопрос — правильно заданный вопрос уже говорит об уровне человека, а на неправильно поставленный вопрос вообще мудрецы не отвечают; ну нельзя было болтать о бытовых всяких вещах, что кто-то там подрался или еще что-то <...> — нет, этого ничего не было¹¹.

<...> Николай Николаевич со Львом Платоновичем <...> были одно время вместе в больнице, в палате. Вот тогда, когда они впервые встретились, вероятно, произошло узнавание <...>

Много разговоров, конечно, [было]. В основном о чем была речь? О религии, о литературе, об искусстве, разумеется. И обо всем этом Николай Николаевич любил поговорить <...>. В этих спорах принимал участие и искусствовед Виктор Михайлович Василенко¹², москвич, тоже покойный. Это была постоянная жертва Николая Николаевича, он несколько иронически относился к Виктору Михайловичу¹³, хотя, конечно, понимал, что Виктор Михайлович был прекрасный человек и интересный поэт, который по-настоящему развернулся уже после освобождения. Около пяти книг вышло его поэтических, и Виктор Михайлович успел встретиться с Анной Андреевной, прочитать ей <...> цикл стихотворений, и она сказала ему: «Вы настоящий поэт». И подарила ему свою книжечку с надписью: «Поэту Василенко»¹⁴. И Виктор Михайлович (я с ним поддерживал

¹⁰ Лев Платонович Карсавин (1882—1952) — религиозный философ, историк-медиевист, доктор истории, доктор богословия. В 1922 г. Карсавин был арестован, обвинен в контрреволюции и выслан из страны на «философском пароходе». В последующие годы он жил и активно работал в Берлине и Париже. В 1927 г. переехал из Парижа в Литву. В 1949 г. был арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы — за то, что «являлся одним из идеологов и руководителей белоэмигрантской организации “Евразия”, ставившей своей целью свержение Советской власти». Отбывал срок в абезьском лагере. Находясь то в стационаре, то в полустационаре, Карсавин создал целый ряд религиозно-философских сочинений. Карсавин говорил, что только в непосредственном общении с Богом человек из раба становится свободным. Умер в лагерной больнице от милиарного туберкулеза [8 и др. источники].

¹¹ Ср.: «Однажды вечером Карсавин сидел на скамейке возле Полустационара. Я пришел к нему и сел рядом, а вскоре мы увидели, что к нам приближается Пунин. Когда он подошел своей прямой и несколько неуверенной походкой, мы увидели, что у Пунина сильно распухший нос.

— Что с вами? — спросил Карсавин.

Пунин сказал, что его только что ударили по лицу. Карсавин от этих слов весь как-то подтянулся.

— Как это произошло? — спросил он.

Пунин получил когда-то из дому красивый клетчатый носовой платок. Он берег этот платок, пользовался им для протирания очков и обычно носил его в верхнем кармане своей вельветовой куртки. Вечером, выйдя из жилой секции в проходную комнату, Пунин снял с себя очки и вынул платок, собираясь протереть стекла. В той же комнате оказался вор, которому понравился красивый платок. Он сказал Пунину:

— Дай-ка мне сюда этот платок.

— С какой стати я должен отдать вам платок, который нужен мне для протирания очков? — сказал Пунин.

Тогда вор ударил его кулаком в лицо и вырвал платок. Удивившись такому обращению и забыв надеть очки, Пунин, чтобы разглядеть вора, по причине своей близорукости приблизился лицом почти вплотную к его физиономии. Вор, увидев перед собой его лицо, выражавшее не страх, а любопытство, вдруг растерялся, сунул платок в руку Пунину и убежал из комнаты.

Пунин рассказывал об этом как о любопытном случае, но Карсавин после этого весь вечер оставался омраченным» [7, с. 78-79].

¹² Виктор Михайлович Василенко (1905—1991) — специалист по русскому народному искусству и искусству других народов СССР, автор ряда книг о народных промыслах, профессор кафедры искусствоведения МГУ; поэт, переводчик. Был арестован в 1947 г. по делу Даниила Андреева, обвинен в подготовке покушения на Сталина. Его избивали, неоднократно имитировали расстрел, приговорили к 25 годам лагерей (см.: [9]). Василенко находился в лагере в Инте, затем в Абези. Был освобожден в 1956 г.

¹³ При этом, по свидетельству Ванеева, Пунин заботился о Василенко со дня прибытия того в Абезь: «...Я встретил Пунина, который сказал мне:

— Пойдемте, я познакомлю вас с московским искусствоведом. К нам его привезли из Инты. Он совсем в растрепанном состоянии души, и надо подумать, как ему помочь.

<...> Кое-что в помощь московскому искусствоведу Пунин уже предпринял. Он говорил с нарядчиком, который устроил нового подопечного в бригаду, работавшую внутри лагеря»; «Пунин получил из дому книгу. Это был второй том “Всеобщей истории искусств” М.В.Алпатова. <...> Будучи книголюбом, <...> [Василенко] питал зависть к Пунину, в обладании которого была книга Алпатова. Зная об этом, Пунин подарил ему эту книгу. Пунин вообще несколько опекал московского искусствоведа, однако подчас обращался с ним так, словно находил для себя удовольствие дразнить его. Отношения между ними были странным соединением взаимных нападок и взаимной же нужды друг в друге» [7, с. 56-57, с. 58, 64]. На титульном листе книги Алпатова (изд. 1949 г.) Пунин сделал надпись: «Милому / Виктору Михайловичу / Василенко / во искупление Абезьских обид / на светлую память / Н.Пунина / 1951. Май Абезь» (титульный лист воспроизведен в изд., подгот. Л.А.Зыковым: [10, вклейка с иллюстрациями между с. 400-401]).

¹⁴ Ср. лагерные эпизоды: «Московский искусствовед был тайный стихописец и, принеся однажды Пунину свои стихи, спросил:

— Как вы думаете обо мне? Я — поэт? Пунин, рассказав мне об этом, добавил:

— Вот увидите, он еще и к вам придет и спросит то же самое. Такой это человек.

— А что вы ему ответили? — спросил я.

отношения до последних его дней, когда бывал в командировках в Москве) очень гордился <...>, он считал себя как бы рукоположенным в поэты самой Ахматовой. Был там египтолог Коростовцев, Михаил Александрович, ну и некоторые из эмигрантов. <...>

И Николай Николаевич <...> после того, как выписался из стационара, посещал Льва Платоновича, и происходили беседы такого рода, например. Я <...> [пересказываю] Льву Платоновичу разговор между Николаем Николаевичем Пуниным и Виктором Михайловичем Василенко (два искусствоведа). Николай Николаевич — это при мне было <...> — спрашивает: «Виктор Михайлович, ну вот вы искусствовед, — <...> как будто он не искусствовед, <...> с некоторым сожалением как бы. — Вот вы искусствовед. Скажите мне, <...> в чем отличие Сикстинской Мадонны от Владимирской Божьей Матери? В чем разница?» Виктор Михайлович что-то начинает говорить про композицию, про колорит и т. д. А <...> Николай Николаевич с таким сожалением говорит: «Вот ведь вы <...> не можете понять. <...> А разница состоит в том, что Сикстинская Мадонна смотрит на вас, видит вас, и вы с ней общаетесь. <...> А Владимирская Божья Мать вас не видит, но она видит вашу душу, и тут общение совершенно другого качества: она вас судит, она знает, кто вы такой. Вот это — коренное отличие <...>». Не знаю, это экспромт ли Николая Николаевича или это его убеждение. <...> Я передавал этот разговор Льву Платоновичу (он любил, когда я что-то приносил, <...> как некая пчелка, которая чужой мудрости <...> мед собирает <...>, поскольку своего-то я еще не мог ему предложить) — и в это время входит Николай Николаевич и Василенко. <...> И этот разговор был продолжен, но уже на другую тему, <...> смежную <...> — о «Джоконде» Леонардо да Винчи. Это был большой разговор, суть его была в том, как понимать эту [картину], <...> что содержит в себе образ Джоконды. <...> Лев Платонович говорил <...>, что все православные люди, глубоко православные: <...> священники или <...> такие, как Алексей Константинович Толстой, то есть люди, глубоко верующие <...> и в то же время образованные в религиозном плане, <...> понимали сразу, <...> что она вынашивает в чреве <...> антихриста. <...> Загадка ее для православного пронизательного взгляда понятна. И Лев Платонович, в общем-то, это не опровергал, а даже косвенно подтверждал тем, что, если вспомнить, чем любил заниматься Леонардо да Винчи. У нас такое гуманитарное представление: все гуманисты, все любят человека. А ведь он разрабатывал новые способы убийства человека <...> Конечно, это не были злодейские мысли — мысли были научные, то есть он испытывал природу человека, но тем не менее склонность, интерес к злу, как вообще у человека эпохи Возрождения, были очень большие. <...>

<...> Отношение Николая Николаевича к православию, к религии. Я очень осторожно об этом говорю: <...> вопрос внутреннего исповедания или возвращения к религии, которое, как мне кажется, началось у Николая Николаевича, — это процесс потаенный, не афишированный, и о нем говорить — чрезвычайно ответственно <...> Но поскольку кое-что я все-таки видел, это не мои домыслы, то я имею право, вероятно, об этом сказать.

<...> Он очень хорошо относился к тем священникам, которые были [в Абези]. Там было несколько священников из числа [непоминающих]: отец Иоанн Потапов, отец Феодот и отец Феодор. [...] Они были из числа так называемых непоминающих. Непоминающие — это те, которые отказались в конце литургии произносить во здравие существующей власти. Это так было положено по литургии православной всегда: за царя, а потом <...>, во время патриарха Сергия, было обязательно, чтобы кончалось здравием властям. А вот они — непоминающие, они отказались это делать, и их арестовывали и держали [в заключении]¹⁵. Отца

В глазах Пунина, как отблеск на льду, мелькнуло выражение сарказма. Ясно, что он сказал нечто неприятное. Вот что он сказал московскому искусствоведа:

— Какой вы поэт? Если бы вы были поэтом, то не стали бы спрашивать.

Позднее московский искусствовед, действительно, показал мне стихи. Это был чистенько сделанный перевод стихов Эдгара По. Выждав, пока я прочту, московский искусствовед спросил:

— Как вы думаете, я — поэт?

Я посоветовал ему, чтобы он спросил Галкина» [7, с. 65-66].

По свидетельству самого Василенко, в 1962 г. Ахматова выразила желание познакомиться с ним, чтобы услышать его рассказы о лагерной жизни Пунина, в том же году он по ее настойчивой просьбе показал ей свои стихи. Прочитав их, она сказала ему: «Вы подлинный поэт», «Вы настоящий поэт»; «Сказала, что я неоакмеист». Позднее она подарила ему сборник «Подорожник» с надписью: «Виктору Василенко с верой в его стихи. Анна Ахматова. 4 февраля 1964 года», а также сделала надпись на принадлежавшей ему книге ее стихов: «Виктору Михайловичу Василенко. Мои московские дни. Анна Ахматова» [11, с. 314, 319-322. Магнитофонная запись в указ. изд. содержит подробный рассказ Василенко о его общении с Ахматовой и о лагере].

¹⁵ Ср.: «Всего сходящихся вокруг о. Ивана было человек около десяти, из них два священника — о. Филарет [У Ванеева так! — О.Р.] и о. Феодот. Соединяющее их начало заключалось, как я понял, не столько в личных отношениях, сколько именно в церковном общении, благодаря которому они составляли общину и были как бы Малой церковью. По отношению к Московской Патриархии все они состояли в непримиримой оппозиции. Подлинной церковью в России для них была та, которую называли “непоминающей” и которая существовала подпольно. <...> О. Иван, священник дореволюционного склада, сделался приверженцем подпольной Церкви не по каким-либо особым взглядам, а силой естественного порядка вещей. Он служил под властью епископа, который в числе других заявил в 30-х годах о своем несогласии с возглавлявшим церковь митрополитом Сергием (будущим Патриархом). Священство, верное своим епископам, прекратило упоминание имени Сергия в ектинях. Отсюда название — непоминающие. Существа вероисповедания, т.е. таинств, догматики и чина богослужения, этот акт не затронул. Однако оппозиция к официальной Церкви необходимым образом соединялась с оппозицией к власти, что сделало Церковь непоминающих гонимой и оказавшейся на пути к распаду на отдельные подпольные общины, тяготеющие к сектантству» [7, с. 123]. Когда пошедший на компромиссы с

Потапова Иоанна... он уже <...> много лет сидел. И надо сказать, что страдальцы эти искушались все время. Достаточно было им признать, что они отказываются от своей позиции, как им возвращали их приход. Отцу Иоанну — дважды <...>. Не то чтобы он соглашался — его искушали свободой, семьей: он возвращался в свой приход, и думали, что его жена, дети <...> уговорят, не захочет возвращаться и начнет <...> [поминая власти]. Они этого не делали и опять возвращались в лагерь. <...> Такие вот тихие герои, они вызывали огромное уважение у Николая Николаевича, и, конечно, не только у него.

Я неоднократно видел, как Николай Николаевич перед тем, как лечь спать, крестился. У него был крестик, ему сделали крестик там на хоздворе. Умельцы из зубных щеток из цветных делали крестик, <...> из говяжьих костей выпиливали крестики, <...> отливали алюминиевые, можно было заказать. Кто хотел, тот крестик носил, иногда, правда, его отнимали <...>

Я тогда не очень мог понять, поскольку это уже глубины теории кубизма и супрематизма, но я помню, что в разговорах у [Николая Николаевича] были такие, не очень категорические, попытки сближения <...> с иконой <...> Это продолжение как раз тех принципов, что в древнерусской иконе <...> — нереалистического, плоскостного [изображения] <...>. Особое пространство, наличие мистического пространства золотого, иконного и т. д. <...> Скажем, почему кубистическое изображение предмета как бы с разных сторон или в разрезах разных, несколько проекций <...> втиснуто в одно, что это такое, что это означает? Ну, Николай Николаевич <...> несколько снисходительно объясняет: это ангельское видение предмета. Ангел видит предмет сразу отовсюду и даже изнутри. Это попытка овладеть ангельским видением, почувствовать его и как-то выразить. Конечно, <...> ангел видит по-другому, более совершенно, идеально видит, но это попытка приблизиться к ангельскому совершенству — то, что является вообще целью искусства. Это возрастание человека над самим собой, это тот духовный прогресс человека, к которому настоящее искусство призывает и которому способствует.

<...> Меня пригласили два года тому назад быть консультантом на документальном фильме о Льве Платоновиче Карсавине. Сценарий написал наш известный философ Сергей Сергеевич Хоружий, биограф Карсавина. Я согласился, разумеется, участвовать в этом, и нам удалось <...> найти лагерь — <...> там все уничтожено, абсолютно разобрано, и местные краеведы неправильно показывали, где это было. Но местный краевед нашел могилу Пунина, и вот я тут [на фотографии] <...> рядом с могилой Николая Николаевича, которого я и хоронил, заменив одного из [могильщиков] в бригаде похоронной. Мы вместе с Василенко хоронили Пунина, заменив двух литовцев в похоронной бригаде, заменив могильщиков. Мы с Василенко <...> предали его тело земле.

1. Герасимов Ю.К. (9 сентября 1923 — 11 июня 2003) // Русская литература. 2003. № 3. С. 239.
2. Рубинчик О. «Реквием» по жертвам репрессий // Русская мысль. № 4344. 7-13 декабря 2000. С. 9.
3. Пунин Н. Андрей Рублев: очерк. Пг.: Аполлон, 1916. 24 с.
4. Пунин Н.Н. О Татлине. М.: Литературно-художественное агентство «РА», 1994. 125 с.
5. Пунин Н.Н. Новейшие течения в русском искусстве: Вып. I—II. Л.: Госуд. Русский музей, 1927, 1928. 14 с.; 16 с.
6. Пунин Н.Н. Русское и советское искусство. М.: Советский художник, 1976. 262 с.
7. Ванеев А.А. Два года в Абези. В память о Л.П.Карсавине. Брюссель: Жизнь с Богом, Paris: La Presse Libre, 1990. 414 с.
8. Веттер Г.А. Л.В.Карсавин. Биобиблиографический очерк // Ванеев А.А. Два года в Абези. В память о Л.П.Карсавине. Брюссель: Жизнь с Богом, Paris: La Presse Libre, 1990. С. 9-19.
9. Василенко В.М. Далекие ночи [Воспоминания о Д. Андрееве] // Андреев Д. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3, кн. 2. М., 1997. С. 385-396.
10. Пунин Н.Н. Мир светел любовью. Дневники. Письма. М., 2000. 527 с.
11. Василенко В.М. Ведет беседу М.В.Радзишевская // Анна Ахматова в записях Дуваккина. М., 1999. С. 306-332.

References

1. Gerasimov Yu.K. (9 sentyabrya 1923 — 11 iyunya 2003) [Gerasimov Yu.K. (September 9, 1923 - June 11, 2003)]. Russkaya literature, 2003, no. 3, p. 239.
2. Rubinchik O. "Rekvem" po zhertvam repressiy [Soviet repression requiem]. Russkaya mysl', no. 4344, 7-13 dekabrya 2000, p. 9.
3. Punin N. Andrey Rublev: ocherk [Andrei Rublev: an essay]. Petrograd, 1916. 24 p.
4. Punin N.N. O Tatline [About Tatlin]. Moscow, 1994. 125 p.
5. Punin N.N. Noveyshie techeniya v russkom iskusstve: Vyp. I—II [The latest trends in Russian art: Vol. I — II]. Leningrad, 1927, 1928. 14 p.; 16 p.
6. Punin N.N. Russkoe i sovetskoe iskusstvo [Russian and Soviet art.]. Moscow, 1976. 262 p.
7. Vaneev A.A. Dva goda v Abezi. V pamyat' o L.P.Karsavine [Two years in Abez. In memory of L.P. Karsavin.]. Bryussel', Zhizn' s Bogom, Paris, La Presse Libre, 1990. 414 p.
8. Vetter G.A. L.V.Karsavin. Biobibliograficheskiy ocherk [Bibliographical essay]. In: Vaneev A.A. Dva goda v Abezi. V pamyat' o L.P.Karsavine [Two years in Abez. In memory of L.P. Karsavin.]. Bryussel', Zhizn' s Bogom, Paris, La Presse Libre, 1990, pp. 9-19.
9. Vasilenko V.M. Dalekie nochi [Distant Nights [Memoirs of D. Andreev]]. In: Andreev D. Works in 3 vols, vol. 3, kn. 2. Moscow, 1997, pp. 385-396.
10. Punin N.N. Mir svetel lyubov'yu. Dnevniky. Pis'ma [The world is bright with love. Diaries. Correspondence]. Moscow, 2000. 527 p.
11. Vasilenko V.M. Vedet besedu M.V.Radzishvskaya [M.V.Radzishvskaya leads the conversation]. Anna Akhmatova v zapisyakh Duvakina. Moscow, 1999, pp. 306-332.

большевистским режимом митрополит (с 1943 г. Патриарх) Сергей в 1944 г. умер, Патриархом был избран митрополит Алексей, и часть оставшихся к этому времени в живых непоминающих воссоединилась со священноначалием Русской православной церкви. Священники же, о которых рассказывают Ю.К.Герасимов и А.А.Ванеев, по-видимому, не принадлежали к числу воссоединившихся.

Rubinchik O.E. Russian culture in the Abezsky camp: memories of Yu.K.Gerasimov (Preparation of the text, introductory note, and comments by O.E.Rubinchik). Oral memoirs of literary critic and theater expert Yuri Gerasimov (1923—2003) are devoted to his life in the camp in the village of Abez near the Arctic Circle in the first half of the 1950s. It was a camp for the disabled (disabled, old people), where many cultural icons were imprisoned: religious philosopher Lev Karsavin, art critic Nikolai Punin, poet-futurist and novelist Sergei Spassky, Jewish poets Samuel Galkin and Yakov Shternberg, director and philosopher Alexander Gavronsky, egyptologist Mikhail Korostovtsev, art critic and poet Viktor Vasilenko, and others. Gerasimov talks about his communication with Punin, about the ways of preserving human dignity in inhuman conditions.

Keywords: Stalinist repression, Abez, Abezsky camp, memoirs, Yu.K.Gerasimov, N.N.Punin, L.P.Karsavin, V.M.Vasilenko.

Сведения об авторе. О.Е.Рубинчик — кандидат филологических наук (Санкт-Петербург), rubinchik_olga@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.10.2018.